

Михаил Веллер

Баллада датской тюрьмы

*Часть сборника
Легенды Невского проспекта
(сборник)*

Легенды Невского проспекта

Михаил Веллер

Баллада датской тюрьмы

«АСТ»

1993

Веллер М. И.

Баллада датской тюрьмы / М. И. Веллер — «АСТ»,
1993 — (Легенды Невского проспекта)

«Дания – страна скучная. Но вообще ничего. Жить можно. Если кому охота ничего не делать и жить спокойно – место очень подходящее. Датчане гордятся тем, что их королевская династия – сегодня древнейшая в мире: не прерывается уже тысячу лет. И любят вспоминать, что когда во время Второй Мировой войны оккупировавшие их немцы приказали всем евреям нашить желтые звезды, назавтра король вышел на улицу с могоендовидом на черном пальто; начиная с чего и не допустил акции...»

© Веллер М. И., 1993

© АСТ, 1993

Михаил Веллер

Баллада датской тюрьмы

Дания – страна скучная. Но вообще ничего. Жить можно. Если кому охота ничего не делать и жить спокойно – место очень подходящее.

Датчане гордятся тем, что их королевская династия – сегодня древнейшая в мире: не прерывается уже тысячу лет. И любят вспоминать, что когда во время Второй Мировой войны оккупировавшие их немцы приказали всем евреям нашить желтые звезды, назавтра король вышел на улицу с могоендовидом на черном пальто; начиная с чего и не допустил акции.

Теперь прибавим к этому викингов, завоевавших Англию и державших в страхе пол-Европы, замок Эльсинор, где Гамлет разбирался с родственниками, и необыкновенно человеколюбивое законодательство, позволяющее любому бездельнику отлично жить на кучу социальных пособий. И завершим этот краткий обзор знаменитым и действительно прекрасным парком развлечений Тиволи.

После этого делается понятным, почему две старушки на улице, к которым я обратился с просьбой обменять мне горсть мелочи на одну крону, имея в виду позвонить из автомата, – зашипели старушки под бряк моих монеток, и прервали меня презрительно советом идти работать, а соседние старушки оплевали мой английский приказом учить датский. Забодали их попрошайки-иммигранты из интересных стран, приехавшие за скучной хорошей жизнью.

Итак, жил-был в Петербурге юный поэт. Малоизвестный, как водится. В Петербурге и маститым старым поэтам не шибко сладко живется, а уж о молодых дарованиях и говорить не приходится. Поэт хотел писать стихи, а еще он при этом хотел хорошо жить. Вдобавок это был женатый поэт. Женатым людям вообще не шибко сла... но, кажется, мы начинаем повторяться. Жена была его единственным слушателем, и таким образом он рассматривал ее как необходимый элемент своей творческой жизни. А вообще жизнь была дерьмо.

В дерьме случались отдельные зерна типа если не жемчужных, то хотя бы кукурузных. Например, однажды поэт удостоился читать свои вирши на вечере молодых дарований в ПЕН-клубе. И председательствовавший, известный поэт Виктор Кривулин, в порядке самокомпенсации за три часа бреда, который он по долгу положения был вынужден слушать, долго и с удовольствием рассказывал нищим пиитам, как он хорошо выступал в Дании. Я терпел, теперь вы потерпите. Должность председательствующего имеет свои приятные стороны даже у поэтов.

И наш поэт запал на Данию. Он представил себе, как гениально можно жить в Копенгагене на социал (социальное пособие), ни хрена не делать, гулять у Русалки и писать стихи. О, это именно тот коммунизм с человеческим лицом, о котором мечтали отцы-основатели! Недаром, недаром отдал свою молодую жизнь Гамлет за счастье будущих поколений романтиков и поэтов.

Из чего можно сделать тот верный вывод, что романтизм и дармоедство совмещаются у поэтов удивительным образом, но очень крепко. Этим поэтам палец в рот не клади, они только с виду безобидные.

Поэт велел жене собирать чемодан – они едут в Копенгаген. Как, на что?! Все продадим. Что продадим! Гм, Одолжим. Купим самый дешевый тур. И попросим политического убежища. Будем шикарно жить. Посылать подарки твоим родителям.

Жена подумала и спросила, почему же тогда все их друзья-поэты еще не живут в Дании? И получила ответ, что все эти поэты идиоты. Поэт вообще склонен отказывать собратям по ремеслу в умственных способностях.

Но жены поэтов лучше разбираются в жизни. Это ведь они вынуждены кормить шизофреников, которые рифмуют «украдкой» и «прокладкой». Жена полезла в атлас мира и выяснила, что Дания расположена на Ютландском полуострове, а полуостров – это часть суши, не

менее чем с трех сторон окруженная морем. И всех желающих эта ограниченная суша вместить никак не может, разве что начать их спихивать в окружающее море. Для уточнения она позволила в датское консульство, где ее страшно разочаровали: после девятисто первого года, когда лопнул Союз и настала свобода, россияне правами политических беженцев не пользуются, и вообще больше в Дании ничем не пользуются, халява капут, фрекен.

Поэт попил водки, полежа в депрессии, временно прекратил писать стихи и проявил отменную предприимчивость. Не писать стихов вообще полезно.

Он схватил жену с чемоданом и переволок к ее родителям. Комнату свою сдал – дешево, но деньги за полгода вперед. Оформил загранпаспорта и купил самый дешевый тур в Данию. После чего походил по турфирмам и нашел такую, которая незадорого устроила ему и жене выписку из Петербурга задним числом, как бы годом раньше. Выписаться – не прописаться, дело несложное, если есть связи.

Такой же как он, молодой бедный поэт, работавший в газете, устроил ему командировку от газеты в Душанбе. И он явился в Душанбе, где идет война и все русские разбежались, и предъявил свою командировку в местной русской газете, и сообщил оставшимся полтора сотрудникам, что хочет у них немного поработать. Да с радостью, дорогой!

За три недели, живя в редакции, он обделал все свои дела. А именно: новые друзья обратились к своим местным друзьям, и ему сделали прописку задним числом. А больничные бланки с печатями он купил на базаре сам. И, разумеется, напечатал в газете свои стихи.

Предыстория окончена. Поэт с женой сел на паром и прочитал удаляющейся родине прощальный сонет.

Вечерний Копенгаген встретил его горящей от горизонта вывеской «Туборг». Тренированный таджикской войной и российской бюрократией герой со странным ощущением понял, что из мира бардака попал в мир потребления.

Утром сойдя на берег после уже оплаченного завтрака, он высмотрел полицейского и на хорошем английском сообщил: «Прогнило что-то в Датском Королевстве? Вы не чувствуете? А Шекспира вы читали? Неважно, тогда подскажите, пожалуйста, как проехать в лагерь для перемещенных лиц».

Лагерь был в часе езды на электричке. Это такой садик в загородке, где за зеленью белеет гостиничка-общезитие. Из будки у ворот высунул пивной живот привратник.

– Прошу политического убежища! – заявил поэт.

– О'кей, – согласился привратник – Из какой вы страны?

– Из Таджикистана. Сбежал от резни.

– Поздравляю, – сказал привратник – А Таджикистан – это где?

– Рядом с Афганистаном. Средняя Азия. Граница бывшего СССР.

Привратник пошевелил животом и покивал:

– Проходите. В комнате номер два вам покажут, в какую комнату селиться, и выдадут талоны на питание.

В комнате номер два, однако, вместо поселения и пропитания им устроили допрос. Российские загранпаспорта, идите гуляйте и плывите вон!

Но петербургский поэт – не тот продукт, чтобы вечно плавать. Он вытащил паспорта с душанбинской пропиской, три справки об избиениях с печатью душанбинской поликлиники, пачку душанбинских газет со своими стихами и статьями, и папку газетных вырезок о зверствах войны и преследованиях русских.

– Мы выросли на Андерсене, Торвальдсене и Кьеркегоре, – сказала жена по-датски при помощи русско-датского разговорника и стала плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.